

Патрушев Сергей

9 осколков памяти

Сергей Патрушев

9 осколков памяти

«Автор»

2026

Патрушев С.

9 осколков памяти / С. Патрушев — «Автор», 2026

Девять стеклянных осколков, хранящих крики империй. Девушка без тени по имени Лиора и мужчина, сотканный из фиолетового света забвения. Когда прошлое становится слишком тяжелым для одного разума, оно рассыпается на части. Соберите их, если осмелитесь вспомнить цену покоя. В этой истории память — это не дар богов, а радиоактивные отголоски вселенной, которые придётся похоронить под собственным порогом или научиться пить вместо утреннего кофе.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Дом под ивой	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Патрушев

9 осколков памяти

Глава 1. Наследство

Ника никогда не думала, что тишина может иметь вес. В бабушкиной квартире на последнем этаже панельной девятиэтажки в Чертаново она давила на плечи плотной, осязаемой массой. Прошло сорок дней со дня смерти Анны Ильиничны — ровно столько, сколько требует православный обычай, чтобы душа окончательно покинула земные пределы и отправилась к свету. Но квартира словно отказывалась это признавать.

Воздух здесь загустел от запаха сушеного чабреца, старых книг с пожелтевшими страницами и того особого тлена, который оставляют после себя вещи одинокого человека. Ника стояла посреди гостиной, заставленной массивной румынской стенкой из темного дуба. На лакированных полках пылился хрусталь, которого никто не касался лет двадцать, теснились фарфоровые пастушки и тяжелые тома Большой советской энциклопедии. Все это было прошлым, музейным экспонатом чужого, давно ушедшего быта. А будущего у этой квартиры больше не было: риэлтор уже нашел покупателя, через неделю ключи нужно сдать.

Мама просила просто вынести мусор и забрать альбомы с фотографиями. «Там нет ничего ценного, Вероника, только хлам», — сказала она по телефону вчера вечером. Мама всегда называла ее полным именем, когда хотела подчеркнуть дистанцию. Для нее бабушка была странной женщиной, заиклившейся на траволечении и никому не нужных воспоминаниях о послевоенном детстве. Для мамы этот переезд был лишь досадной бюрократической обязанностью перед вступлением в наследство.

Для Ники же эта квартира была последним якорем.

Она провела рукой по пыльному серванту. Пальцы наткнулись на едва заметную щель между задней стенкой и днищем. Дерево там чуть отходило. Ника поддела его ногтем — планка поддалась с тихим, сухим треском, похожим на звук ломающейся ветки. Внутри, в узком тайнике, лежала не шкатулка, а скорее плоская коробка, обтянутая потрескавшимся черным бархатом. Ни замка, ни резьбы. Просто кусок старой ткани, хранящий внутри нечто тяжелое.

Ника вынесла коробку на кухонный стол, залитый бледным сентябрьским светом. Села на скрипучий венский стул, положила ладони на бархат. Сердце стучало где-то в горле, отдаваясь пульсацией в кончиках пальцев. Она знала, чувствовала всем своим существом, что мама ошибалась. Здесь было кое-что поважнее альбомов.

Крышка откинулась беззвучно.

Внутри, на подложке из истлевшего желтого шелка, лежали они. Девять осколков стекла. Они не были мутными или грязными. Напротив, стекло казалось пугающе чистым, почти живым, хотя каждый осколок имел неправильную, рваную форму, будто их выломали из чего-то цельного с невероятной жестокостью. Размером примерно с фалангу большого пальца, они тускло поблескивали гранями, ловя скудные лучи кухонной люстры. Цвет определить было невозможно — он менялся в зависимости от угла зрения, перетекая из густого индиго в болотную зелень, а затем в цвет запекшейся крови.

Ника осторожно, самыми кончиками пальцев, взяла первый попавшийся осколок. Он оказался неожиданно тяжелым для своего размера, плотным, как речной камень. Холодное стекло коснулось кожи, и Ника вздрогнула.

Осколок стремительно теплел. Тепло поднималось от ладони вверх по руке, растекалось по груди, заполняло легкие. Это не был жар лихорадки; это было глубинное, древнее тепло прогретой солнцем земли. Ощущение было настолько реальным, что на секунду закружилась

голова. Ника инстинктивно поднесла стекло ближе к лицу, заглядывая в самую его толщу, ища свое отражение в скошенной грани.

Но оттуда смотрела не она.

Из глубины стекла на нее взглянули огромные, широко распахнутые глаза цвета темного меда. Ресницы дрожали, словно от сдерживаемых рыданий. Кожа была смуглой, оливковой, покрытой мелкой россыпью едва заметных веснушек на переносице. Губы, искусанные в кровь, приоткрылись, втягивая воздух короткими, испуганными порциями. Темные волосы девочки были туго заплетены в две косички, перевязанные выцветшими атласными лентами.

Отражение моргнуло. Ника почувствовала, как ледяной спазм перехватывает горло. Она пошатнулась, схватившись за край стола свободной рукой. Стекло в ее ладони пульсировало теперь ровным, успокаивающим ритмом, совпадающим с биением ее собственного сердца. Девочка в стекле тоже перестала дрожать. Она медленно подняла тонкую руку и прижала ладонь к невидимой преграде изнутри, зеркально копируя положение руки Ники.

И тогда пришло имя. Оно не прозвучало в ушах, оно вспыхнуло прямо в сознании, выжигая любую другую мысль: *Лиора*.

Имя пахло мокрым известняком, озоном после грозы и чем-то сладким, аптечным — возможно, корнем солодки. Лиора. Имя звучало как приговор и как обещание одновременно.

— Кто ты? — прошептала Ника пересохшими губами, глядя в свои собственные (или уже не свои?) расширенные зрачки.

Девочка в стекле не ответила. Ее губы шевельнулись, но звука не было. Вместо этого картинка начала меняться. Гладкая поверхность кухни, облупившийся желтый холодильник, календарь за прошлый год — все смазлось, пошло радужной пленкой бензина и растворилось. Тепло от осколка стало обжигающим.

Дом стоял над самой водой. Не дом даже, а приземистая каменная коробка с плоской крышей, сложенная из грубых плит ракушечника. Солнце висело низко, окрашивая реку в цвет старого вина. Воздух дрожал от июльского зноя, звенел цикадами и густой пылью, поднимающейся из-под босых ног.

Семилетняя Лиора сидела на горячих досках крыльца, подтянув колени к подбородку. Платье из грубого льна липло к вспотевшим ногам. Рядом, прислонившись плечом к дверному косяку, стояла ее мать. Женщина была высокой, статной, с такими же медовыми глазами, как у дочери, но сейчас они казались абсолютно пустыми, выжженными изнутри.

Ее руки двигались быстро, механически, с какой-то пугающей точностью хирурга. Мать мерила шагами пятак утоптанной земли перед порогом. Раз-два-три шага влево. Пауза. Прислушалась к чему-то внутри дома — оттуда доносился тяжелый, лающий кашель отца и глухой звон посуды. Раз-два-три шага вправо.

В руках матери блеснул такой же стеклянный осколок, какой держала сейчас Ника. Только этот был целым, идеально гладким, размером с детскую ладонь. Он поймал луч садящегося солнца и преломил его, бросив на сухую землю острый, режущий блик.

Лиора следила за матерью, не дыша. Она знала этот ритуал. Знала, что означает этот пустой, обращенный внутрь взгляд. Когда отец начинал кашлять так страшно, мир вокруг сужался до размеров комнаты, пропитывался запахом лекарств и страхом. Мать становилась прозрачной, превращаясь в механизм выживания.

Женщина опустилась на колени прямо в дорожную пыль. Достала из кармана передника старый, покрытый ржавчиной нож с костяной ручкой. Подцепила им край тяжелой дубовой доски порога. Доска нехотя, со скрежетом отошла вверх, обнажив темноту подполья. Оттуда пахло сыростью, мышами и холодной землей.

— Лиора, — голос матери был хриплым, сорванным. Она не повернула головы. — Иди сюда. Стань здесь. Закрой собой дверь.

Девочка сползла с крыльца. Босые ступни обожгло острыми камнями. Она встала спиной к матери, лицом к открытой двери, раскинув руки в стороны, словно пытаясь обнять весь дом. Маленькое, хрупкое тело напряглось до предела. Сквозь тонкую ткань платья она чувствовала вибрацию пола — это отец перевернулся на кровати. Из-за угла сарая показалась соседская курица, глупо квохча и роясь в пыли. Обычная жизнь продолжалась, делая происходящее еще более чудовищным.

Мать тем временем быстро заговорила. Она сыпала в черную щель под порогом какие-то сухие травы — запах полыни ударил в нос, забивая дыхание. Затем туда же полетела щепотка соли.

— Память — это не то, что ты помнишь, — вдруг четко, раздельно произнесла мать, опуская в темноту свой стеклянный осколок. Ее пальцы задержались на нем долю секунды дольше, чем требовалось. Казалось, она хочет оставить его себе, прижать к сердцу, но вместо этого разжала кулак. Стекло беззвучно упало на сырую землю. — Память — это не то, что ты помнишь... а то, что не можешь забыть.

Голос дрогнул на последнем слове. Мать резко задвинула доску обратно. Удар молотка, которым она прибивала ее на место, прозвучал в вечерней тишине как выстрел.

Лиора зажмурилась. По щеке скатилась одинокая горячая слеза, оставляя на пыльной коже соленый след. Она знала: сегодня ночью придут люди в тяжелых сапогах. Те, кто ищет долги отца. Те, кому нужна та вещь, которую мать только что похоронила заживо под собственным домом. Мать спрятала ключ, но оставила замок открытым, выставив вперед дочь.

Когда удары прекратились, Лиора обернулась. Мать сидела на ступеньках, бессильно уронив руки на колени. Стеклянный осколок исчез вместе с травами и солью, став частью фундамента, мертвым зубом в челюсти дома.

— Мам? — тихо позвала девочка.

Женщина вздрогнула. Моргнула несколько раз, словно просыпаясь от глубокого сна. Медовый цвет вернулся в ее глаза, вытеснив мертвенную пустоту. Она посмотрела на дочь, увидела ее перепачканные пылью коленки, содранную кожу на пятке, и лицо ее исказилось мучительной нежностью.

— Беги к реке, — сказала она внезапно окрепшим голосом. — Набери воды. Чайник совсем сухой.

Это было возвращение. Возвращение из той бездны, куда ей пришлось спуститься ради спасения семьи. Мать снова стала матерью. Но Лиора видела трещину. Тонкую, волосаную линию безумия, которая навсегда пролегла по краю ее сознания.

Удар по столу вырвал Нику обратно.

Она больно приложилась локтем о клеенку. Осколок в ее руке дернулся и мгновенно похолодел, возвращая коже обычный голубоватый оттенок. Кухня встретила ее гудением холодильника и мерным тиканьем настенных часов. Во рту стоял привкус полыни и речной тины. Руки мелко тряслись.

Ника судорожно выдохнула, хватая ртом воздух. Это не было сном. Сон не оставляет на ладонях запаха чужой пыли и реальной боли в ушибленном локте. Она посмотрела на черный бархат в коробке. Семь оставшихся осколков лежали неподвижно, равнодушные и холодные. Первый продолжал слабо пульсировать теплом сквозь кожу, словно угасающий уголек.

— Что это было? — спросила Ника у пустой кухни. — Бабушка?

Анна Ильинична умерла от инсульта во сне, легко и быстро, вопреки своей долгой, полной болезней жизни. Врачи говорили, что сосуды у девяностолетней старухи были на удивление чистыми. Теперь Ника понимала почему. Вся тяжесть, вся память, все невысказанное и непережитое горе рода Анна Ильинична годами перекладывала не в таблетки, а вот в эти куски

стекла. Она хранила их, переваривала своими бессонными ночами, позволяя дочери жить спокойно, в блаженном неведении. А внучке достался финал — вскрытие хранилища.

Бабушка никогда не рассказывала о своем прошлом. На вопросы о молодости отвечала уклончиво: «Война была, деточка, голодная пора, нечего вспоминать». Лишь однажды, перебирая сушеные травы на балконе, она пробормотала фразу, которую Ника тогда пропустила мимо ушей, списав на старческую деменцию: «Земля держит крепче цемента, если знать правильные слова».

Теперь фраза обрела смысл. Земля под порогом действительно держала. Держала чужую боль, запечатанную стеклом.

Ника захлопнула крышку коробки. Бархат клацнул сухо и зло. Нужно было уходить. Риэлтор придет завтра утром, а ей еще нужно проветрить квартиру, чтобы выветрить запах старости. Ей отчаянно хотелось выбежать из этого дома, сесть в метро, затеряться в толпе безликих пассажиров, выпить горького кофе из автомата и убедить себя, что перегрелась на солнце, пока возилась с цветами на балконе.

Но рука сама потянулась ко второму осколку.

Пальцы отказались подчиняться разуму. Они сами сомкнулись на прохладном ребристом боку второго стекла. Оно было другим на ощупь — шершавым, изъеденным микроскопическими царапинами, напоминающим кожу акулы.

Как только контакт установился, кухня исчезла.

Звук изменился первым. Пропало низкое гудение города. Вместо него обрушился оглушительный, ритмичный лязг металла о металл. Сотни молотов били одновременно, создавая адскую симфонию. В нос ударил кислый, резкий запах горячего машинного масла, жженого угля и человеческого пота.

Ника оказалась в огромном цеху с высоченными потолками, теряющимися в клубах сизого дыма. Под ногами вибрировал стальной решетчатый пол. Вокруг, насколько хватало глаз, громоздились станки — чудовищные механизмы с блестящими от смазки рычагами. За ними стояли люди. Мужчины в промасленных робах, женщины в одинаковых темно-синих платках, повязанных на затылке. Лица у всех были серыми, осунувшимися, лишенными индивидуальных черт. Только глаза жили на этих лицах — воспаленные, красные от недосыпа и едкой взвеси, висящей в воздухе.

Рядом с Никой, плечо к плечу, стояла девушка. Лет восемнадцати, не больше. Худая, как щепка, с узловатыми пальцами, намертво сжимающими длинную металлическую штангу. Та самая Лиора. Но прошло время. Детское платье сменилось грубой рабочей курткой, слишком большой для ее тонких плеч. Веснушчатая кожа посерела от вьевшейся металлической пыли. Только глаза остались прежними — огромными, испуганными, цвета темного меда.

Лиора методично, в такт общему лязгу, опускала штангу на раскаленную докрасна заготовку. Бам! Металл плющился, выплевывая сноп оранжевых искр. Бам! Искры летели прямо в лицо, но Лиора даже не морщилась. Ее движения были доведены до автоматизма, до полного отсутствия мысли.

— Норма горит, — прохрипел чей-то голос справа. — Третья смена выходит на час раньше.

Лиора не ответила. Она вообще не издавала звуков. Весь цех молчал, работая челюстями лишь для того, чтобы дышать. Звуки производили только машины. Люди стали придатками к ним, винтиками, функцией.

Сквозь дым Ника разглядела плакат на противоположной стене. Огромный, написанный суриком по фанере лозунг: «План выполним любой ценой!». Буквы казались выведенными свежей кровью.

Внезапно один из гигантских прессов издал низкий, утробный вой. Звук пошел вверх по октаве, переходя в визг рвущегося металла. Что-то щелкнуло в механизме управления. Рычаг, удерживающий многотонную плиту, соскочил с фиксатора.

Время замедлилось.

Ника видела каждое движение с ужасающей четкостью. Как капля пота катится по виску стоящего впереди мужчины. Как медленно, дюйм за дюймом, начинает падать вниз стальная плита весом в три тонны. Прямо на участок, где работала бригада Лиоры.

Люди начали поворачиваться. Медленно, безнадежно. Они видели смерть, знали математику ее падения, но ноги, сведенные двенадцатичасовым стоянием, отказывались бежать. Это был военный завод. Или лагерь. Место, где человеческая жизнь стоила дешевле изношенного подшипника.

Лиора замерла. Штанга выскользнула из ее ослабевших пальцев и со звоном упала на решетку. Она смотрела на падающую плиту, и в ее глазах впервые за много лет появилось выражение, не продиктованное усталостью. Там отразился первобытный, животный ужас семилетней девочки, прячущей лицо в материнской юбке.

Она сделала шаг назад. Споткнулась о разбросанный инструмент. Упала на спину, прямо под ноги Нике. Ее грудь тяжело вздымалась, она пыталась отползти, скребя стертыми в кровь пальцами по холодному железу.

Ника закричала. Она кричала изо всех сил, вкладывая в этот вопль всю свою современную, безопасную, сытую жизнь: — Берегись! Наверх!

Но крик умер, не родившись. В этом месте не существовало голоса. Здесь существовали только нормы выработки и гул турбин. Горло свело спазмом абсолютной беспомощности.

Плита рухнула.

Удар сотряс фундамент цеха. Воздух вышибло из легких тугой волной жара и пыли. Визг тормозов, треск ломающихся костей, короткий, оборвавшийся человеческий вскрик — все слилось в один тошнотворный звук.

Когда пыль немного осела, Ника открыла глаза. Она все еще лежала на полу, придавленная сверху невидимым телом Лиоры. Девушка прижимала ее к земле, защищая собой.

Прямо перед лицом Ники, в паре сантиметров от носа, торчал зазубренный край разорванного стального листа. Еще пара дюймов — и он вошел бы ей точно в переносицу.

Лиора медленно убрала руки. Она тяжело дышала, глядя на раздавленный станок. Трое рабочих, оказавшихся в эпицентре, превратились в бесформенные пятна на почерневшем металле. Никто не бежал за врачом. Мастер смены — человек с лицом, состоящим из одних углов — подошел к месту аварии, посмотрел на кровавое месиво, потом на секундомер в своей руке.

— Пятнадцать минут простоя, — констатировал он буднично, доставая блокнот. — Запишите фамилии погибших в графу брака. Остальным — продолжать работу. График сдвинулся.

Лиора закрыла глаза. Ее плечи затряслись в беззвучном рыдании. Она плакала не о тех троих. Она плакала о себе. Потому что сегодня План потребовал жертву, и жертва была принесена. А значит, остальным разрешили пожить еще один день. Чувство вины выжившего легло на ее плечи бетонной плитой, гораздо более тяжелой, чем та, что упала минуту назад.

Гудок электровоза за окном московской многоэтажки вернул Нику в реальность.

Она обнаружила себя лежащей на линолеуме бабушкиной кухни. Щека ныла от холода плитки. Второй осколок обжигал ладонь морозом. Коробка валялась рядом, раскрытая. Третий, четвертый, пятый осколки внутри нее слегка дымились, словно нагретые камни в бане.

Ника села, опираясь на дрожащие руки. Ее рвало желчью прямо на пол. Организм физически отвергал увиденное, пытаясь исторгнуть чужой голод, чужой страх и чужой стыд. Она прополоскала рот водой из чайника. Вода имела вкус ржавчины.

Она посмотрела на свои ладони. Подушечки пальцев были черными от въевшейся промышленной сажи, которой в этой квартире не было уже лет пятьдесят. Ника потеряла пальцы друг о друга — грязь не сходила. Это была не физическая субстанция. Это была метка.

Шесть осталось.

Черный бархат манил. Логика кричала бросить эту дьявольскую коробку, залить ее бензином и сжечь в лесопарке, уехать из города, сменить имя. Но любопытство, холодное и болезненное, как скальпель, уже перерезало нити здравого смысла. Если первые два показали детство и юность, то что покажут остальные? Старость? Смерть? Ту самую войну, о которой молчала бабушка?

Третий осколок был мутным, молочно-белым, похожим на застывшее молоко. Он не излучал тепла или холода. Он источал вязкую, тягучую тишину.

Ника дотронулась до него одним пальцем.

Тишина поглотила ее целиком.

Она стояла посреди бескрайнего белого пространства. Ни неба, ни земли — только слепящая белизна, съедающая перспективу. Под ногами поскрипывал снег. Морозный воздух царял легкие каждым вдохом. Было так тихо, что Ника слышала собственное сердцебиение — тяжелый, медленный бой барабана.

Снег падал вертикально, бесконечно. Крупные, идеальной формы шестиугольники. Они ложились на плечи Лиоры, но не таяли. Девушка стояла на коленях в сугробе. На ней не было верхней одежды — только тонкая ситцевая рубаша и такая же юбка. Волосы покрылись толстой коркой инея, превратившись в стеклянный шлем. Лицо приобрело восковой, желтоватый оттенок покойника. Губы посинели.

Но Лиора не мерзла. Вернее, она давно перешагнула порог физического страдания. Озноб стал ее естественным состоянием. Она смотрела прямо перед собой, в бесконечную белую стену, и ее медовые глаза были абсолютно пусты. В них отражалось только падение снега.

Рядом с ней, в таком же сугробе, сидел мужчина. Его лицо представляло собой сплошную черно-красную маску из обморожений и кровоподтеков. Нос отсутствовал, сожженный лютым холодом до кости. Он монотонно, как маятник, качал головой из стороны в сторону. При каждом движении с его губ срывался облачко пара и тихий, бессмысленный шепот: — Не пил... Не пил я...

Это был отец Лиоры. Тот самый, с лающим кашлем из первого воспоминания. Теперь кашля не было. Легкие замерзли первыми.

Чуть дальше, наполовину занесенная снегом, лежала женщина. Мать. Ее глаза были открыты и покрыты тонкой пленкой льда. Рука вытянута вперед, указывая на восток. Словно даже после смерти она пыталась указать путь к спасению, которое так и не наступило.

Они шли трое суток. Колонна ссыльных, выгнанных из теплых вагонов прямо в зимнюю степь за отказ подписывать бумаги о добровольной сдаче имущества. Их везли осваивать новые земли, строить светлое будущее на костях. Вагоны остановили посреди нигде, открыли засовы и сказали: «Вы прибыли. Расселяйтесь».

Лиора пережила первую ночь, зарывшись в сугроб вместе с родителями. Вторую — съев кожаный ремешок от отцовских часов. На третью ночь родители просто перестали идти. Сели в снег и решили уснуть. Это был акт милосердия природы — сон, переходящий в вечность.

А Лиора осталась стоять. Ей было шестнадцать. Где-то глубоко внутри, под слоем замерзших нервов, жила семилетняя девочка, прятавшая под порогом стеклянный осколок. Но снаружи остался только ходячий мертвец. Чтобы не лечь рядом с матерью и отцом, нужно было двигаться. Любой ценой. Вперед, в никуда.

Она сняла с мертвой матери валенки. Сапоги оказались велики, болтались на ногах, сбивая ступни в кровь при каждом шаге, но они давали призрачный шанс. Лиора наклонилась, расстегнула оледеневшую кофту на груди матери. Вытащила нательный крестик на простой

бечевке. Помедлив секунду, сняла и кольцо — тонкий ободок дешевого золота. Сунула за пазуху.

— Память — это не то, что ты помнишь, — прошептала она белыми, непослушными губами. Снежинка упала ей на ресницу и так и осталась лежать, не тая. — А то, что не можешь забыть.

Она развернулась спиной к телам. Спиной к прошлому. И пошла на восток, ориентируясь по тому направлению, куда указывала рука матери. Ветер завыл, поднимая поземку, заматаывая следы маленькой девочки, идущей через снежный апокалипсис с куском хлеба во внутреннем кармане, который она берегла уже вторые сутки.

Ника попыталась отвернуться. Закрыть глаза. Но у этого видения не было век. Она вынуждена была смотреть, как маленькая фигурка уменьшается в белом ничто, пока не превращается в точку, а затем исчезает вовсе, поглощенная равнодушной стихией.

Телефонный звонок прорезал тишину квартиры, как сирена противовоздушной обороны. Ника подскочила на месте, ударившись головой о край стола.

Звонил мобильный, брошенный на подоконник. Экран мигал незнакомым номером.

— Да? — голос сел, превратившись в воронье карканье.

— Вероника Сергеевна? — бодрый, профессионально-лицемерный мужской голос. — Это Станислав, риэлтор. Мы договаривались насчет акта приема-передачи на завтрашнее утро. Я внизу, у подъезда. Домофон не работает, решил подняться лично, напомнить. Вы скоро? Мне еще в офис надо, документы подготовить.

Внизу. Он ждет внизу. Обычный человек в обычном мире, где люди покупают квартиры, пьют латте и смотрят сериалы. Мир, в котором только что закончилась война, сгнили заводы и вымерзла целая семья.

— Я... мне плохо, — выдавила Ника. — Температура высокая. Давайте перенесем. — Переносить нельзя, покупатель психует, у него ипотека горит, — в голосе риэлтора появились стальные нотки. — Вероника, соберитесь. Там дел на полчаса. Выбросите мусор, протрите пыль и подпишите бумаги. Ключи отдадите — и свободны. Получите деньги, съездите на море, отдохнете. Ваша бабушка ведь именно этого хотела? Чтобы вам было хорошо.

Именно этого. Хорошей жизни, построенной на фундаменте из замолчанной боли. Ника посмотрела на свои руки. Черная угольная пыль с завода смешивалась с белой крошкой воображаемого снега. На среднем пальце правой руки проступило красное пятно ожога — точная форма второй металлической штанги, которую держала Лиора.

— Я скоро буду, — сказала Ника и нажала отбой.

Она подошла к раковине, открыла воду. Попыталась смыть грязь с рук. Вода текла прозрачная, розовая от сукровицы с сорванной мозоли.

Коробка лежала на столе. Шесть осколков. Три четверти человеческой жизни. Целая эпоха, упакованная в стекло.

Если она уйдет сейчас, заберет коробку с собой и выбросит ее в первый же мусорный бак, что произойдет? Исчезнет ли проклятие? Станет ли ей легче?

Нет. Она поняла это с пугающей ясностью. Эти осколки не были наказанием. Они были единственным доказательством того, что Лиора существовала. Что Анна Ильинична любила кого-то до одури, до потери рассудка, пряча детей под половицами. Если Ника уничтожит стекло, Лиора окончательно растворится в статистической погрешности истории. Умрет во второй раз. А вместе с ней умрет и та часть Ники, которая позволила себе быть слабой, жалующейся на ипотеку и отсутствие отпуска.

Нельзя забыть то, что отказывается тебя покидать.

Ника вернулась к столу. Открыла коробку. Осторожно, боясь дышать, она вытащила третий осколок — мутно-белый, холодный, как могильная плита. Положила его в карман джинсов. Он лег тяжелым, чужеродным грузом, впиваясь в бедро.

Затем она взяла четвертый. Он был иссиня-черным, глянцевым, впитывающим свет. Самый страшный из всех. Похожий на фрагмент обсидиана.

Риэлтор Станислав терпеливо курил электронную сигарету у подъезда, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на часы. Он думал о бонусах, о жене, которая просила новую кухню, и о дурацкой старухой квартире, провонявшей нафталином. Жизнь была прекрасна и понятна.

А на девятом этаже Ника сжала в кулаке черный обсидиан, готовясь провалиться в самое дно памяти, где не было уже ни снега, ни заводов. Где оставалась только голая, неприкрытая правда человеческих поступков.

Она закрыла глаза. Последнее, что отпечаталось на сетчатке перед погружением во тьму — солнечный блик на лице семилетней Лиоры, прячущей лицо в складках материнской юбки.

Память — это не то, что ты помнишь.

Глава 2. Дом под ивой

Ника не поехала на встречу с риэлтором. Она просто положила телефон экраном вниз на залитый желчью линолеум, перешагнула через собственную рвоту и вышла из квартиры, забыв запереть дверь.

Черный осколок в кармане джинсов пульсировал в такт ее шагам, но это была не теплая пульсация первого стекла. Это был ледяной метроном, отсчитывающий время до чего-то неотвратимого. Четвертый осколок — обсидиановый, глухой — впитывал свет вагонных ламп метро, делая кожу Ники вокруг кармана мертвенно-бледной.

Она не думала, куда едет. Тело само помнило маршрут, проложенный сквозь лабиринт серых веток подземки. Пересадка на МЦД. Сорок минут гула, запаха дешевого пластика и чужого перегара. Ника смотрела на свое отражение в черном стекле двери. На нее глядела осунувшаяся женщина с воспаленными глазами. В уголке губ запеклась корка крови — она прокусила щеку во время последнего видения, когда Лиора шла через снежную степь. Физическая память тела работала быстрее мозга.

Станция «Расторгуево». Удушливый запах цветущих лип, который здесь почему-то всегда смешивался с ароматом креозота. Ника спустилась с платформы и пошла не к поселку, а в противоположную сторону, туда, где начинался старый, заросший камышами залив Москвы-реки.

Память вела ее ногами. Память Лиоры, которая теперь жила в капиллярах Ники, направляла сухожилия и поворачивала суставы. Городской шум остался за спиной, сменившись треском сухих прошлогодних трав под подошвами кроссовок. Земля здесь дышала сыростью.

Ива нашлась там, где и должна была быть — метрах в пятидесяти от воды, склонив свои плакучие ветви так низко, что они купались в темной речной воде. Дерево было колоссальным. Его ствол, покрытый узловатыми наростами и глубокими черными трещинами, раздваивался у самого основания, образуя естественную нишу. Корни выпирали из земли, как гигантские змеи, оплетая берег.

— Здесь, — вслух сказала Ника. Голос прозвучал хрипло и незнакомо.

Она опустилась на колени прямо перед самым толстым корнем, похожим на бедро древнего зверя. Земля под ним была утоптанной, твердой как камень. Никакой доски порога давно не существовало — дерево поглотило ее за полвека, втянуло внутрь себя вместе с памятью о страхе. Но стекло осталось. Оно никуда не могло деться.

Пальцы сами нашли нужное место — небольшую выемку в сплетении корней, прикрытую пластом мха. Ника поддела его ножом, который машинально прихватила с бабушкиной кухни. Лезвие вошло в жирную, пахнущую прелыми листьями почву. Копать пришлось недолго. На глубине ладони пальцы наткнулись на препятствие. Не на стекло — оно бы порезало кожу. На металл.

Это была старая консервная банка из-под ленд-лизовой тушенки. Ржавчина почти полностью съела жёсть, превратив ее в хрупкий футляр. Внутри лежали две вещи, которые никак не могли принадлежать одной эпохе.

Первая — плотная пачка советских рублей образца сорок седьмого года, перетянутая резинкой, рассыпавшейся от одного прикосновения. Деньги превратились в слежавшиеся комки зеленоватой бумаги, пахнущие болотом.

Вторая вещь была тяжелее. Завернутая в промасленную холстину, она оказалась дневником. Обложка из грубой кожи, медные уголки, стертые до блеска. Замок отсутствовал. Страницы, сделанные из плотной, кустарного производства бумаги, слиплись от влаги, но текст просматривался четко — он был написан химическим карандашом, въевшимся в волокна намертво.

Ника открыла книгу на случайной странице. Почерк был острым, летящим, без наклона. Буквы прыгали, выдавая пишущего человека, который либо очень спешил, либо замерзал. *«14 октября. Кай снова приходил к излучине. Он говорит, что Аэлон больше не держит форму. Граница истончилась настолько, что дети видят зазеркалье днем. Если мы не найдем Сердце до полнолуния, город схлопнется. Мать запретила мне собирать эхо после заката, но если я остановлюсь, отец окончательно уйдет во тьму».*

Аэлон. Слово ударило током. Ника перелистнула несколько страниц назад, ища начало. Первая же запись заставила ее вцепиться в кожаный переплет побелевшими пальцами: *«Меня зовут Лиора. Сегодня мне исполнилось девятнадцать. Я перестала считать годы войны, начала считать весны. Весна — единственное, что нельзя отобрать. Отец умер прошлой ночью. Тихо, во сне. Мы похоронили его под этой самой ивой, потому что корни уходят глубоко в воду, а вода смывает грехи. Мама говорит, что скоро уйду и я. Она ошибается. Я знаю, как остаться. Для этого нужно научиться ловить эхо разбитых вещей».*

Дальше шли чертежи. Схемы стеклянных сосудов причудливой формы, напоминающих реторты алхимиков. Расчеты углов преломления света. И карта. Нарисованная на развороте двух страниц поверх текста, она изображала центр какого-то города. Планировка была странной: улицы сходились радиально к центральной площади, которую автор обозначил одним словом, выведенным дрожащей рукой — *СЕРДЦЕ*. А рядом, на полях, мелко, словно извиняясь, стояло название города: **АЭЛОН**.

Города Аэлон не существовало. Ника знала это наверняка, как знает любой москвич географию своей страны. Ни на старых картах империи, ни в справочниках СССР такого топонима не было. Но рука Лиоры вывела эти буквы с уверенностью картографа.

Ника подняла голову от дневника. Солнце садилось за верхушки дальнего леса, окрашивая реку в цвет старого янтаря. Воздух стал густым, золотистым, полным звона первых вечерних комаров. И в этом воздухе, прямо над черной водой, что-то изменилось.

Рябь на реке пошла против течения. Легкая, едва заметная вибрация воздуха возникла слева, у старой лодочной станции. Температура упала градусов на пять. Запах тины и рыбы исчез, сменившись озоновой свежестью, какая бывает сразу после удара молнии.

Четвертый осколок в кармане джинсов перестал пульсировать. Он вспыхнул один раз, коротко и болезненно, обжигая бедро холодом жидкого азота, а затем потух, став абсолютно инертным.

Но открылось окно. Или, точнее, мембрана между мирами стала проницаемой.

Из-за ствола ивы, со стороны воды, выступила фигура.

Он двигался бесшумно, хотя ступал по ковру из гниющих листьев и мелких веток. Высокий, одетый в длинное пальто из тяжелой шерсти цвета мокрого асфальта. Воротник поднят, руки спрятаны в карманы. Лицо... лицо было обыкновенным. Правильные черты, высокие скулы, тонкий нос. Мужчинам с такими лицами идут дорогие костюмы и спокойная власть. Ему было около тридцати. Темные волосы падали на лоб, закрывая глаза.

А потом Ника посмотрела ниже. Под ноги мужчине.

Тени не было.

Солнце било ему в спину, рисуя на вытоптанной земле длинные тени от ивовых ветвей, четкую тень от покосившегося телеграфного столба вдали. Даже воробей, прыгавший в пяти метрах, отбрасывал крошечный серый силуэт. Но пространство под ботинками незнакомца оставалось идеально чистым, освещенным. Там, где он стоял, солнечный свет падал на землю ровно, не встречая преграды. Он шел по миру, вырезая дыру в законах физики.

Кай. Имя всплыло само собой из строк дневника. Путник без тени.

Незнакомец остановился в десяти шагах от Ники. Он не смотрел на нее. Его взгляд был прикован к старому дневнику, который она сжимала в руках так, что побелели костяшки.

— Ты нашла банку, — сказал он. Голос оказался глубже, чем ожидала Ника. В нем звучала легкая хрипотца, словно он долго говорил на морозе или слишком много молчал. — Анна Ильинична хорошо спрятала ключ. Прошное любит надежные замки.

— Кто ты? — голос Ники сорвался на шепот. Инстинкт кричал бежать, но тело парализовало. Тот же паралич охватывал ее в видениях заводского цеха.

— Меня называют Каэмиль, — мужчина чуть склонил голову. — Для тебя — Кай. Я пришел за книгой. И за стеклом.

— Его нет здесь, — быстро соврала Ника, второй рукой незаметно ощупывая карман. Первый, теплый осколок все еще был при ней, надежно спрятанный в бюстгальтере. Третий, белый — тоже. А вот четвертый, черный обсидиан, казался сейчас куском сухого льда, прожигающим ткань.

Кай усмехнулся краешком губ. Улыбка не затронула глаз. — Девять фрагментов, Вероника. Один греет. Второй режет реальность звуком. Третий вымораживает легкие. Четвертый пьет свет. Ты уже чувствуешь их вес, верно? Они меняют плотность твоего времени. Думаешь, случайно риэлтор позвонил именно тогда, когда ты коснулась корня? Осколки создают гравитацию. События начинают стягиваться в узел.

Он сделал шаг вперед. Земля под его ногой осталась сухой, хотя утренний дождь намочил почву повсюду.

— Отдай дневник, — продолжил он мягко. — Карта опасна для тех, кто не умеет читать координаты боли. Аэлон ищет выходы. Если граница рухнет здесь, твоя Москва утонет в чужой памяти. Станет призраком внутри другого призрака.

Ника попятилась, пока лопатками не уперлась в шершавый ствол ивы. Кора больно впиалась в кожу даже через куртку.

— Почему я? — выдохнула она. — Почему бабушка оставила это мне?

— Потому что ты умеешь слушать тишину, — ответил Кай. — Большинство людей живут в таком оглушительном шуме собственных мыслей, что пропускают проходы. Твоя кровь приняла стекло. Теперь ты — сосуд. Хочешь ты того или нет, но следующие фрагменты будут искать тебя сами. Черный уже начал петь, признай это.

Обсидиан в кармане действительно издал звук. Почти неслышимый ультразвуковой писк, от которого заныли зубы. Ника судорожно вытащила руку. Камень был покрыт тонким слоем черного инея, хотя на улице было около пятнадцати градусов тепла. Иней таял, оставляя на пальцах жирные пятна копоты.

— Я не отдам, — сказала Ника, крепче прижимая к груди кожаный дневник. — Я хочу знать, что случилось с Лиорой. Что такое «эхо»?

Выражение лица Кая изменилось. Исчезла вежливая отстраненность коллекционера, пришедшего за редким экспонатом. Появился острый, хищный интерес.

— Эхо — это чистая форма события, лишенная материи, — произнес он тише. — Когда человек испытывает предельную эмоцию — ужас смерти, пик наслаждения, абсолютное горе — мир вокруг него дает трещину. Эмоция выжигает слепок реальности. Обычно он рассеивается. Но если под рукой есть правильно ограненное стекло, этот слепок можно поймать. Лиора была лучшим резонатором в своем поколении. Она собирала войну в банки. Собирала голод. Собирала надежду. Чтобы другие могли жить в мире, где этих вещей якобы не существует.

Он медленно поднял пустую ладонь. Жест выглядел примирительным, но воздух вокруг ладони пошел рябью, искажаясь, как над раскаленным асфальтом.

— Последний фрагмент упал в Москве в девяносто восьмом, — продолжил Кай. — Во время дефолта. Прямо на Красной площади. Грань между отчаянием миллионов и геометрией тонка. Тебе придется пойти туда. Или он придет сам. Разница лишь в том, будешь ли ты контролировать процесс.

Внезапно река позади Кая изменила цвет. Янтарь превратился в густой багровый свинец. Закат выключили, как лампочку. Наступили глубокие, неестественные сумерки. Звук цикад обрезало ножом.

— Время вышло, — сказал Кай. — Граница открылась. Выбирай, Вероника. Оставить осколки гнить в земле, позволив прошлому отравлять настоящее ржавчиной, или стать хранителем. Архитектором памяти.

Он протянул руку. Между его пальцами пробежала синяя искра статического электричества.

— Дай мне четвертый. Он убивает тебя изнутри. Я заберу его темноту.

Ника посмотрела на обсидиан. Затем на дневник. Потом перевела взгляд на то место, где только что было солнце. Там, над серединой реки, сгущалось нечто. Плотная, клубящаяся тьма, имеющая очертания перевернутого колокола. Она опускалась к воде, всасывая в себя туман.

Страх был животным, первобытным. Каждая клетка вопила подчиниться человеку без тени. Отдать проклятое стекло и вернуться в свою понятную жизнь с ипотекой и просроченной арендой студии.

Но перед внутренним взором встал другой образ. Семилетняя Лиора, заслоняющая собой дверь. Девушка в ватнике, держащая металлическую штангу над станком. Ребенок, идущий через замерзшую степь с кольцом мертвой матери за пазухой.

Они прошли через невозможное не для того, чтобы внучка спустя семьдесят лет испугалась красивого мужчины в дорогом пальто.

— Нет, — сказала Ника.

Она не бросила дневник. Она сделала то, чего сама от себя не ожидала. Резко шагнула вперед, сокращая дистанцию, и вложила черный обсидиан прямо в протянутую ладонь Кая.

Контакт длился долю секунды.

Мир содрогнулся.

Темнота, вырвавшаяся из камня, не была просто отсутствием света. Это была субстанция. Вязкая, тяжелая нефть, мгновенно поглотившая фигуру Кая. Раздался звук, похожий на хруст ломающихся костей вселенной — это разрушалась геометрия пространства. Тень вернулась. Огромная, неправильная, многорукая, она метнулась вверх, разрывая сумерки, и вонзилась в тот самый перевернутый колокол тьмы над рекой.

Багровое небо лопнуло с сухим треском пересохшей кожи.

Ударная волна швырнула Нику на землю. Она пролетела пару метров, пропахав плечом глину, и врезалась головой в выступающий корень ивы. Перед глазами посыпались искры. Дневник вылетел из рук, страницы веером разлетелись по берегу.

Когда звон в ушах немного стих, а тошнота отступила, Ника приподнялась на локтях.

Был день. Обычный, скучный сентябрьский день. Солнце висело высоко, прогревая плечи. Над рекой лениво кружили чайки. Никаких следов тьмы, никакого обмороженного неба.

Кай исчез. Вместе с четвертым осколком. На примятой траве, где он стоял, не осталось ничего. Даже капли росы блестели на солнце точно так же, как и везде.

Ника пошарила руками вокруг себя. Кожаный переплет нашелся в метре, наполовину затянутый в ил. Она схватила его, прижала к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце, пытаясь проломить ребра.

Она потеряла один из девяти. Самый страшный. И впервые за эти сутки почувствовала не потерю, а облегчение. Часть груза спала с плеч. Кай знал, что делал. Он снял с нее часть проклятия. Но взамен...

Взамен он оставил ей знание маршрута. Координаты боли. Красную площадь. Девяносто восьмой год. Дефолт.

Ника собрала разлетевшиеся листы дневника. Руки дрожали так сильно, что она едва могла сложить их по порядку. Некоторые страницы размокли настолько, что текст расплылся в

грязные пятна. Но одна страница, вклеенная между листами позже — судя по глянцу, выдранная из современного блокнота — сохранилась идеально.

На ней был приклеен пожелтевший билет на пригородную электричку. Дата отправления смазана. Место назначения читалось отчетливо: *Москва, Казанский вокзал*. А на обратной стороне билета, торопливым почерком Лиоры, было приписано всего три слова:

«Мост спит. Не буди».

Домой Ника попала только к ночи. Она сидела на скамейке возле вокзала два часа, пытаясь собрать распадающийся разум в единое целое. Прохожие обходили ее стороной — видимо, зрелище женщины с перемазанным землей лицом, раскачивающейся и бормочущей себе под нос даты, вызывало закономерные опасения.

Квартира встретила ее открытой дверью и запахом хлорки. Риэлтор Станислав сдержал слово. Он приехал с участковым, вскрыл замок, составил акт о «недостойном состоянии наследственной жилплощади» (судя по брошенной на столе копии документа) и вызвал клининговую службу. Мусор вынесен, полы вымыты до рези в глазах. Стерильность гроба.

Ника прошла в ванную, не снимая грязных джинсов. Посмотрела на себя в зеркало. На нее глядела дикарка. Рассеченная бровь припухла, на скуле наливался багровым огромный синяк от падения на корни. Волосы сбились в войлок, пропитанный речной водой и тиной.

Она долго стояла под душем, соскребая с себя грязь Бабушкиного оврага. Горячая вода приносила временное успокоение, смывая физическую усталость. Но стоило закрыть глаза, как затылок начинал давить невидимый груз. Три осколка. Теплый, холодный и мутно-белый. Они лежали в мыльнице на краю ванны, завернутые в чистое полотенце, и ждали своего часа.

После душа Ника заварила чай. Руки все еще дрожали. Она села за кухонный стол, развернула перед собой трофеи дня: дневник, карту Аэлона и железнодорожный билет.

Открыла дневник на первой странице, где Лиора писала о своем девятнадцатилетии. Пробежала глазами ровные строчки о весне и смерти отца, пока взгляд снова не зацепился за описание работы. *«Мы называем это "ловлей эха". Мать научила меня этому, когда поняла, что моя чувствительность выше обычной. Люди думают, что эмоции — это химия мозга. Глупцы. Эмоции — это архитектура. Когда человек умирает в муках, стены комнаты покрываются микротрещинами. Если успеть подставить сосуд до того, как трещина затянется, крик застынет внутри стекла. Я делаю это для них. Для живых. Я хожу по пепелищам и собираю невысказанное. Сосуды стоят в подвале нашего дома в Аэоне. Когда люди приходят туда, им становится легче дышать. Они не знают почему. Им кажется, что это просто старые окна. Но стекло, удержавшее чужую агонию, больше никогда не впускает боль внутрь. Оно выгорело дотла».

Лиора была санитаром человеческой истории. Она ходила по гнойникам войн и катастроф, вскрывала их и откачивала яд, запечатывая его в хрупкие ампулы. Цена такой работы — собственное безумие. Ника понимала это интуитивно, на уровне генетической памяти. Каждый поглощенный осколок оставлял в мозгу чужие синапсы.

Она закрыла дневник. Перевернула страницу. Следующая запись датировалась несколькими неделями позже. Почерк стал более нервным, строки наезжали друг на друга. *«Сегодня я видела Его. Того, кого мать называла Забирающим. Он стоит на границе нашей деревни. У него нет тени, сколько бы солнц ни вставало. Он говорит, что собирает долги за право помнить. Сказал, что мой дар — это не талант. Это вексель. Моя семья задолжала Памяти слишком много радости, украв ее у горя. Поэтому я родилась пустой. Я могу держать чужую боль, потому что внутри меня — вакуум. Идеальный сосуд. Он просил отдать ему Песню Матери. Говорит, если я откажусь, он заберет мою тень вместо долга. Как будто она у меня есть. Я не отбрасываю тени с восьми лет, с того дня, как разбилось наше семейное зеркало. Может быть, поэтому я вижу границы миров?»*

Ника отложила дневник. Потерла виски. Головная боль, тупая и вязкая, поселилась где-то за глазами. Ей нужен был сон. Хотя бы час беспамятства.

Она встала, отнесла чашку в раковину. Взгляд упал на мусорное ведро под мойкой. Пакет был новым, белым, туго набитым. Из любопытства — или из мазохистской потребности убедиться в нормальности происходящего — Ника достала пакет и высыпала содержимое на чистый пол.

Старая обувь бабушки, коробки из-под обуви, сломанная настольная лампа, мотки пряжи. И толстый слой черно-белых фотографий. Те самые, которые мама назвала мусором.

Ника села прямо на пол, расшвыривая тряпки. Она перебирала снимки одну за другой. Вот молодая Анна Ильинична на демонстрации с флагом. Вот она же в белом халате медсестры. Ничего необычного. Сплошная советская норма.

Пока она не дошла до дна пакета.

Там лежала одна фотография, явно выпавшая из альбома. Формат девять на двенадцать, потертая на углах. Чернила на обороте выцвели.

На снимке была девочка лет семи. Она стояла посреди двора, вымощенного неровным булыжником. Одета в зимнее пальто с цигейковым воротником, на голове — нелепая шапка-ушанка. Девочка улыбалась в камеру щербатой улыбкой.

За ее спиной росло дерево. Могучая старая ива. Ее ветви спускались так низко, что скрывали крышу одноэтажного деревянного строения на заднем плане — то ли сарая, то ли бани.

Но главное было не в дереве. Главное было в ногах девочки.

Фотография была постановочной, сделанной в яркий летний полдень. Солнечные лучи били сбоку, создавая контрастный рисунок. Справа от девочки на камнях лежала четкая, графичная тень от водосточной трубы. Слева — прерывистая тень от куста сирени.

Прямо под босоножками девочки, на теплом пыльном булыжнике, зияло пустое пятно идеальной овальной формы. Ровное, залитое светом отсутствие.

Анна Ильинична в детстве не имела тени.

Холод, куда более глубокий, чем мог дать любой осколок, поднялся от поясницы к горлу. Бабушка не была просто хранительницей. Она была одной из них. Одной из дефектных деталей механизма мироздания. Женщиной без тени, родившей дочь с нормальной физиологией, чтобы та смогла выжить в обычном мире, и передавшей весь накопленный яд дальше — внучке.

Ника резко обернулась. Показалось, что за спиной кто-то стоит.

Кухня была пуста. Только тихо капала вода из неплотно закрытого крана. Кап. Кап. Кап. Метроном обычного человеческого быта.

Она собрала фотографии обратно в пакет, стараясь не смотреть на снимок маленькой Лиоры-Анны. Завязала ручки тугим узлом и выбросила в общий коридор, к лифту. Пусть дворники считают это строительным мусором.

Вернувшись на кухню, она взяла первый, самый маленький осколок. Тот, что показал ей лицо семилетней девочки. Сейчас он был теплым, почти горячим, пульсируя успокаивающе, словно сердце спящего котенка. Ника сжала его в кулаке.

Нужно было спать. Утром мозг попытается найти рациональное объяснение. Скажет, что это посттравматический синдром на фоне похорон, усугубленный одиночеством. Что галлюцинации вызваны обезвоживанием и пылью старых архивов. Нужно просто лечь, выпить снотворное и проснуться в нормальной реальности.

Она прошла в спальню. Старая кровать бабушки жалобно скрипнула пружинами, принимая вес. Комната пахла лавандой и крахмальным бельем.

Ника провалилась в сон мгновенно, как падает в омут камень. Без сновидений. Благословенная черная пустота.

Разбудил ее не звук. Разбудило ощущение взгляда.

Она открыла глаза. В комнате было темно, но лунный свет, падающий из незашторенного окна, очерчивал каждый предмет серебром. Часы на стене показывали половину третьего ночи.

Фигура стояла у изножья кровати.

Сначала Нике показалось, что это Кай вернулся. Та же посадка головы, те же широкие плечи. Но ночной гость был массивнее. И старше. От него исходило ощущение древней, геологической мощи.

Он был одет в тяжелое драповое пальто советского покроя. Серые волосы аккуратно зачесаны назад. Лицо состояло из глубоких складок и жесткой линии рта. Такие лица смотрят с портретов маршалов Победы или директоров закрытых НИИ.

Но самое жуткое заключалось в другом. За спиной гостя, на стене и полу, плясала огромная, уродливая тень. Она постоянно меняла форму: то становилась похожа на птицу с размахом крыльев в три метра, то на ошестинившегося волка, то на сложное переплетение шестеренок и труб. Тень жила собственной жизнью, независимой от неподвижной фигуры хозяина.

Мужчина кашлянул. Сухой, старческий кашель, лишенный угрозы. — Здравствуй, правнучка, — произнес он. Голос был лишен всяких эмоций, ровный, как бетонная плита. — Меня зовут Виктор. Можешь считать меня своим прадедом. По крайней мере, мое семя породило линию, которая привела к тебе. Хотя биологически моим сыном был скорее ветер в аэродинамической трубе.

Ника попыталась сесть, но тело отказалось подчиняться. Сонный паралич сковал мышцы свинцом. Она могла только следить за гостем расширенными от ужаса глазами.

— Не бойся, я не материален в полной мере, — успокоил он ее, заметив панику. — Я остаточный контур. Призрак матрицы. То, что остается от архитектора, когда здание рушится.

Он сделал шаг вперед. Пол под его ногами не скрипнул. Тень за его спиной дернулась, приняв форму паука, и поползла по стене к потолку.

— Ты активировала наследство раньше срока, — продолжил Виктор. — Обычно требуется три поколения покоя, чтобы резонанс затух. Твоя мать выбрала амнезию — мудрое решение для слабых. Ты выбрала зрение. Теперь поздно пить йод.

— Кто вы? — прохрипела Ника. Горло пересохло. — Что вам нужно?

— Мне нужна целостность, — ответил прадед. — Я создал систему, чтобы спасти их. Свою жену, свою дочь. Лиору. Я собрал лучшие умы того времени... вернее, вне времени. Мы поняли, что история движется по кругу не из-за экономики, а из-за невозможности забыть. Травма передается через ДНК, через молоко матери, через взгляд. Войны начинаются не из-за границ, а из-за фантомных болей в коленях предков.

Виктор подошел ближе и оперся руками о край кровати. Ника почувствовала запах табака «Герцеговина Флор» и озона.

— Мы построили Аэлон. Лабораторию памяти. Город-шунт. Место, куда можно было сливать избыточное давление истории. Все осколки, которые ты держишь — это предохранители. Девять граней одного кристалла. Пока они разделены, система нестабильна. Когда они соберутся вместе, произойдет сброс. Боль человечества выйдет из берегов стекол и станет чистой энергией. Новой физикой. Мир очистится огнем воспоминания.

— Это убьет всех, — выдавила Ника. — Я видела заводы. Видела снег. Это не очищение, это мясорубка.

— Мясорубка идет прямо сейчас, девочка, — терпеливо пояснил Виктор. — Просто она растянута на столетия. Миллионы гибнут медленно, думая, что это называется «нормальная жизнь». Я предлагаю быстрый переход. Великую Синхронизацию. Собери осколки. Принеси их в Сердце Аэлона. Я ждал тебя. Нам нужен оператор с нулевым сопротивлением. Тот, чья психика выдержит полный поток.

— Зачем вам я? — спросила Ника. — У вас есть Кай. Забирающий.

Губы Виктора тронула кривая усмешка. — Кай — это счетчик Гейгера. Сторожевой пес. Он чует трещины и латает их временной пеной, затягивая гайки. Он поддерживает статус-кво. Он трус, боящийся конца времен. А я — создатель. Я хочу завершить проект. Но войти в Сердце может только кровный родственник с активным геном Проводника. Таких, как мы, рождается один на миллиард. И большинство стораёт в первые двадцать лет, превращаясь в городских сумасшедших. Твоя бабушка продержалась девяносто лет, притворяясь травницей. Восхитительная сила воли.

Тень-птица за спиной Виктора громко щелкнула клювом.

— У тебя есть выбор, Вероника, — сказал прадед мягче. — Ты можешь разбить оставшиеся шесть стекол. Расколоть молотком. Выпустить эхо в атмосферу хаотично. Получится красивый салют и серия локальных эпидемий массового психоза. Через неделю санитары увезут тебя в Кашенко с диагнозом «острое полиморфное расстройство».

Он помолчал, давая словам впитаться в сознание Ники.

— Либо ты пойдешь со мной. Мы закончим начатое. Спасем мир ценой его уничтожения. Классическая дилемма врача, решающего ампутировать ногу, чтобы жил пациент.

— Где остальные? — спросила Ника, цепляясь за конкретику, чтобы не сойти с ума от масштаба предлагаемого безумия.

— Розданы, — пожал плечами Виктор. — Рассеяны по ключевым точкам эмоционального напряжения двадцатого века. Красный осколок у тебя. Белый — в катакомбах Парижа, под местом массовых расстрелов. Черный ты отдала Каю. Остались синий, зеленый, желтый, фиолетовый и золотой. Золотой лежит ближе всего. Там, куда завтра утром собирался везти тебя твой риэлтор. Красная площадь. Мавзолей. Эпицентр государственного мифа. Отличная усыпальница для частицы всеобщего горя.

Сонный паралич начал отпускать. Кровь сначала больно, иглами, а затем горячими волнами побежала по венам. Ника смогла пошевелить пальцами правой руки. Она все еще сжимала первый осколок. Он раскалился добела.

— Если я соглашусь... — начала она. — Ты не согласишься, — прервал ее Виктор. — Согласие — категория смертных. Ты просто осознаешь неизбежность. Как осознала ее Лиора, когда брала кольцо с пальца мертвой матери, чтобы купить хлеб живым. Выбора нет. Есть только траектория.

Он выпрямился. Его силуэт вдруг потерял плотность, пошел по краям цифровой рябью, как плохо настроенное изображение на старом телевизоре.

— До встречи на Красной площади, — бросил он напоследок. — Приходи на рассвете. Мавзолей открыт для тех, кто несет ключи. И постарайся не привлекать внимания охраны. Они реагируют только на живые объекты. А ты с каждым часом становишься все менее живой. Скорее, архитектурным планом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.